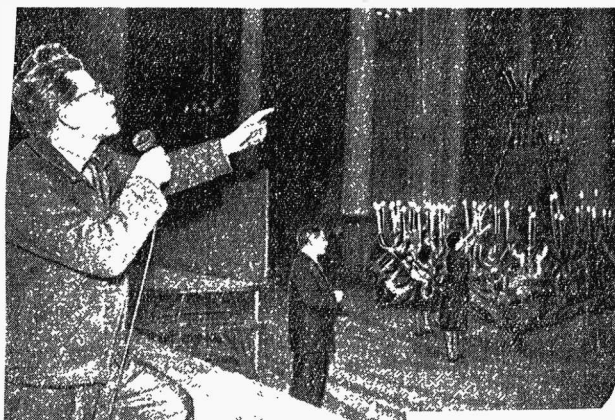

За кулисами Большого театра

Гаснут огни лоустр. Замер оркестр, ожидая атак излучения дирижера. В сумраке зала Большого театра настороженная тишина.

Кто не испытал этих полных радости ожиданий минут перед еще не раскрывшимся занавесом? Вот сейчас раздвинется в сторону его тяжелые парчовые складки, и для зрителей откроется волшебный мир искусства...

По правде, дорогой зритель, зациклен за кулисами раньше, чем откроется занавес. Заглянем, чтобы вознакопиться с тем, кого мы не видим во время представления, но кто помогает создавать красоту постановки Большого театра.

Даже вглубь протоптались огромная сцена — она почти вдвое больше зрительного зала. Десятки живописных полотен спущены сверху, многочисленные детали декораций расставлены для первых трех картин оперы «Декабристы».

Кругом мишела жизни. Рабочие сцены, осветители, буафору, механики, электрики создают ансамбли декораций помещичьего имения, коюлаты в трактуре на потовом тракте, где должим встретиться декабристы, площади для сельской ярмарки.

— Это одно из самых больших сцен мира, — объясняет Петр Семенович Данилов, заведующий постановочной частью. — Я видел сцены Америкы, Франции, Англия. И, представьте, лучше нашей еще не встречал. Проходите, убедитесь.

Мы идем словно по огромному цеху. Повсюду установлены электромоторы (их тут около трехсот), подъемные машины, различные аппараты. Сцену окружает сложная осветительная сеть. Во всю ширину над ней протянулись софиты — металлические фермы, узкие длинные подвешенные электромеханические и закрытые снизу светодиффузоры. А вот словно из другого века возникла заплата с полным набором колоколов.

— Под их «маленькой эпок» и идет коронование Бориса Годунова, — улыбается Петр Семенович.

Пять галерей одна над другой опоясывают сцену сверху. Мы поднимаемся на третью. Бригадир Александр Сергеевич Александров принимает команду снизу. Главный машинист Виктор Петрович Завитаев по переговорной трубке отдает последние распоряжения. За спектакль бригаде надо опустить на сцену с помощью механизмов до семидесяти полотен.

Внизу четко действуют рабочие бригады А. Н. Малашенкова и И. В. Вотютина. Первые три картины пройдут с секундными затратами.

ПЕРЕД НАЧАЛОМ СПЕКТАКЛЯ * ЧЕГО НЕ ВИДИТ ЗРИТЕЛЬ * БЕТЕРАНЫ СЦЕНЫ * ТАМ СОЗДАЕТСЯ ВЗРЫВ * ЭЛЕКТРИКИ * ПОЭТЫ * ЖЕСТОКИ ВСЕХ ВЕКОВ

Под сценой у самой размы в на- бием осветителей складились над сложной аппаратурой с сотнями рычагов и кнопок старший бригадир-регуляторщик Алексей Софронович Софронюк. Вся жизнь его прошла в театре. И хотя бригадир уже за шестьдесят, он и не думает о пенсии. Ведь здесь так нужны его опытные руки. Вот и сейчас с первыми звуками оркестра он пошлет на сцену разноцветные лучи.

Партитура оперы раскрыта не только на полноте дирижера. Сюда партитура — световая, технологическая — лежит на пультах у механиков, машинистов сцены, осветителей. Ведь все сложные элементы спектакля, вплоть до движения занавеса, не должны оставлять ни на секунду от каждого звука, каждого такта музыки. И здесь, за кулисами, все подчинено мановению лачки дирижера.

— Хотел бы мы осуществить все это без техники? — вступает в беседу инженер сцены Александр Алексеевич Бронников — Механик и приборы, которые вы видели обезличивают молниеносную смену декораций, световые, звуковые эффекты, все перемены на сцене.

И он выдал нам некоторые «секреты». В опере «Война и мир» в ставку Наполеона попадает снаряд, и от взрыва поднимается столб огня, летит в сторону коня землекоп. Это под сценой нажали рычаг, и сжатый воздух выбросил через цилиндр в отверстие ползущий черный и красный бумажки. Они летят в потоке сиреневых и синих лучей прожекторов. В другой картине — горящая Москва. Это «бушуют» огненно-красные лучи прожекторов в облаках пара.

Познакомились мы и с начальником осветительского цеха — Игорем Яковлевичем Вишневым.

— Вы видите, как ослепительно сияют прожекторы, софиты, — говорит он. — Такого освещения казались бы, пожалуй, на небольшой горюх. Нам это дает богатые возможности для оформления спектакля. Свет как бы окрашивает музыку, приносит на холсты декораций тепло и жизнь...

Рассказ Игоря Яковлевича продолжил сама опера.

На отпущенной сцене с первыми тактами музыки затрещали лучи осеннего солнца на листьях гда. Легкие тени легли на дорожку аллеи. Прозрачно-красная ясная осень... А музыка ведет все дальше, меняются картины.

Вот уже на сцене — тусклые краски кабинета царя Николая. Зловещи багровые тени от ковров и стен дворца. Гаснет свет, мигнутый антракт... В серой утренней дымке открывается Сенатская площадь. Холодное зимнее небо нависло над солдатами востанового полка. Морозом веет со сцены. Потом — ночная мгла сибирской дороги, отблески костра на кандалах декабристов...

Нет, этого не могли сделать обычные осветители. Это создали поэты, глубоко чувствующие музыку, замысел композитора. Подождали оглади театру электрики и осветители Юрий Петрович Павлов, Константин Вадимович Кузнецов, Никодор Яковлевич Вишняков, Алексей Алексеевич Мельников, Василий Петрович Бабин. Все вечера они здесь, за кулисами, знают наизусть каждую оперу, каждый билет. Но до сих пор каждый спектакль для них — премьера: все надо сделать отличной.

Обширные помещения — пять этажей отведено за сценой для костюмеров, буафору, гримеров, под артистические уборные. Надежда Петровна Простякова, заведующая женским костюмерным цехом, показывает свое хозяйство. В огромных залах-складах длинные ряды стоят вешалки — для каждого спектакля отдельно. Здесь собраны тысячи платьев. Вот яркие сарафаны «Хованщины», дворянские фракы и женские шелковые наряды из «Евгения Онегина», летящие кисеи «Лебединого озера».

У Надежды Петровны дел по горло. Каждый день надо подобрать костюмы для ста — ста пятидесяти человек!

Мужской костюмерной заведует Мария Гавриловна Дорофеева. Она работает здесь уже больше тридцати лет, знает всех артистов, изучила их характер, привычки. «Поверьте, совсем омуту, — говорит она, — мужчине гораздо труднее одевать, чем женщин».

Сегодня у Марии Гавриловны особенно много дел. «Декабристы» — самая трудная опера: надо одеть и обувь поди солдат для выхода на Сенатскую площадь толпы народа, тщательно подготовить костюмы для солистов. В опере занято 377 человек!

Буафору дел не меньше. Мы проходим по их цеху — огромным залам, полным всякой утвари, мебели, орудия, архитектурных деталей, предметов быта разных эпох и народов.

Вот стеллажи с ридерскими досками, руньями, сабиями, мечами, рапирами. Буафору П. Матюмина и Н. Виноградова уже хлопот с утра до ночи будут на своем посту первые друзья артистов — рабочие осветители, механики, буафору, костюмеры, отдающие не только большой труд, но и все свое сердце духом человека.

Работа над спектаклем идет и в комнатах парикмахеров, и в комнатах гримеров. На всех пяти этажах трудится большой коллектив энтузиастов.

Сейчас Большой театр готовит к постановке оперу «Фауст», и на стол Петра Семеновича уже легли первые эскизы декораций. Надо подготовить все технические расчеты, подсчитать о новой буафору, свете, костюмах. Работа предстоит большая. Опять — репетиции, пробы, «прогоня» отдельных сцен. И с утра до ночи будут на своем посту первые друзья артистов — рабочие осветители, механики, буафору, костюмеры, отдающие не только большой труд, но и все свое сердце театру.

Л. АНИСИМОВА.

НА СПИШКЕ главных машинистов сцены В. П. Завитаев руководит установкой декораций.

Фото В. Мускова.